

В ТОТ день конца 60-х я забежал в редакцию газеты обговорить содержание краеведческой странички. Корреспондента Валентина Красавцева не оказалось на месте. Кто-то из газетчиков заверил: должен вот-вот подойти.

Вышел в коридор. В торце его, у окна, стоял небритый мужчина в темном потрёпанном плаще. Он был хмур и озабочен, казался забредшим отогреться бродягой. Находиться рядом с ним не было желания. Я вышел на улицу. Закурил. Небо закрыто тяжелой тучей, моросил дождь.

Не прошло и минуты, как незнакомец спустился ко мне. Попросил закурить и в виде благодарности, похлопывая по карману, предложил выпить. Я резко отказался, но сигарету ему дал. Он закурил, достал бутылку красного вина и отхлебнул из горлышка.

Лицо его быстро оттаяло, приобрело живые черты. Он вытащил из кармана четвертинку бумаги и протянул мне. Я мельком взглянул. Это была путевка бюро пропаганды вологодской писательской организации, выписанная на имя Рубцова.

Фамилия мне ни о чем не говорила. В те годы на слуху были Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, Булат Окуджава и Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина. Из северных поэтов я знал стихи Александра Яшина, Сергея Викулова, Ольги Фокиной..

«Слушай!» — утвердительно предложил он и тут же начал по памяти:

А между прочим, осень
на дворе...
Ну что ж, я вижу это
не впервые.
Скулит собака в мокрой
коуре,
Залечивая раны боевые.

Памяти
Николая Рубцова

Кругом шумит холодная
вода,
И все кругом расплывчато
и мглисто.
Незримый ветер, словно
в невода,
Со всех сторон затягивает
листья...

Закончив читать, взглянул на меня. Глаза его сияли: мол, что — утер нос?

От реки донесся тревожный и глухой бас теплохода, спешащего по последней воде в затон. Откликаюсь на

Я ДАЛ ПОЭТУ ТРИ РУБЛЯ...

...Слушаю Николая Рубцова. Мерно звучит ритм напевной интонации, растёт напряжение в голосе и неожиданно смягчается нотками неизбывной тоски, невозвратности:

Прошла пора, когда в зелёный луг

Я отворял узорное оконце—

И все лучи, как сотни добрых рук,

Мне по утрам протягивало солнце...

Мы стоим под навесом крылечка старого здания редакции газеты «Двинская правда».

Почему вызвался он читать стихи! Не знаю. Возможно, потребность излить кому-то душу...

Первые строки я воспринял безучастно: какая-то собака, конура... Но вскоре стихи захватили меня. А он продолжал:

Бегут машины, мчатся
напрямяк
И вдруг с ухаба плетаются
в лужу.

Когда, буксуя, воет

грузовик,

Мне этот вой выматывает
душу.

Казалось, все это написано буквально сегодня, в это утро, настолько реальная обстановка, окружавшая нас, соответствовала содержанию стихотворных строк.

этот гудок, он тут же прочитал «Осеннюю песню».

Я одобрительно отозвался о его стихах. И он уже по-свойски пожаловался, что ему в Котласе не организовали платные выступления, он оказался без денег, нечем заплатить за гостиницу. Я предложил ему три рубля — все, что у меня было.

Стало зябко и неуютно. Он опять похлопал по карману, где покоилась початая бутылка, предложил пойти с ним в гостиницу. Я отрицательно покачал головой и, сославшись, что меня ждут, поднялся в редакцию.

— В 1930 году, это время коллективизации, в деревне Алексино организовали колхоз имени К. Маркса. Забрали половину из единоличного хозяйства: корову, ло-

— Дай Бог здоровья главе администрации, чтобы решал наши проблемы. А он может!

Елена КРЮКОВА.
Фото автора.

Возвращаясь обратно, Рубцова уже не застал. И больше никогда его не видел.

Широко заговорили о Николае Рубцове после его смерти. Появились массовые издания книг. Где-то в сельской глубинке мне удалось купить

стихи. Оказалось, он знает их великое множество: Тютчев, Блок, Есенин, Пушкин... Мы с удовольствием слушали. В конце импровизированного поэтического вечера он прочел несколько стихотворений Николая Рубцова.

Я сказал, что почитаю этого поэта. Спесиво похвастался своей случайной встречей с ним. И тут же был повержен неожиданным заявлением Чудинова: Николай Рубцов — его однокашник по Никольской* средней школе.

Учился Рубцов, по его словам, неважно, поэтических способностей в школьные годы не проявлял. Был он небольшого роста, коренаст, ершист. До четвертого класса Чудинов часто дрался с ним. Этим и запомнился ему Коля Рубцов. И еще тем, что оба любили кататься «на валенках» с ледяной горки.

Помолчав немного, Чудинов с болью в голосе прочитал одно из последних рубцовских стихотворений — «Я умру в крещенские морозы...»

Притихшие, мы взглядывали друг на друга. Каждый думал о чем-то своем и не решался высказать затаенное.

Я пытался вспомнить тембр голоса Николая Рубцова. И не смог. Наплывали образы, прочно осевшие в памяти: дождь... осенние листья... Рубцов в старомодном прорезиненном плаще... пугающие глубиной его глаза...

Виталий ПЛОТНИКОВ.

Председатель
ревизионной комиссии
«СТ».